

«Умеет считывать память и лепить на её основе неотличимые от реальности иллюзии? Чертовски полезный навык»

Скрываясь в тени, Цзин У наблюдал за тем, как две группы ожесточённо тузят друг друга, и мысленно прикидывал расклады.

Он достал мобильный телефон и навёл камеру на дерущихся. Экран обычного смартфона показывал забавную картину: Тан Чжэнь и его люди на самом деле лупили пустоту, совершая нелепые телодвижения, точь-в-точь как шаманы во время камлания.

В такой суматохе Тан Чжэнь легко мог подстрелить кого-то из своих, но он вовремя сообразил, что в тесной свалке огнестрел — плохой помощник. Поставив пистолет на предохранитель, он использовал его как увесистый кастет, раздавая удары направо и налево.

Убедившись, что смертельная опасность им не грозит, Цзин У со спокойной душой оставил Тан Чжэня и остальных возиться с фантомами, а сам сосредоточился на поисках того, кто стоял за этим представлением.

К слову, наблюдать за тем, как Тан Чжэнь и его спутники сражаются с собственными двойниками, было тем ещё удовольствием. Каждый выпад, каждый блок отражались зеркально, будто бойцы колотили собственные отражения. Забавная получалась партия — игра с самим собой.

Цзин У открывал одну дверь за другой. За каждой из них таился очередной жуткий мир, залитый багровым светом, и в каждом обитали знакомые или чужие ему лица.

Те, чьи снимки висели в первых комнатах, сходили прямо с глянцевых поверхностей — по всей видимости, это были ещё живые люди. В комнатах же подальше обитали лишь блёклые призрачные фантомы: они были заперты в четырёх стенах, безучастно играли, переговаривались и проживали свои застывшие мгновения.

В одной из комнат Цзин У наткнулся на Обезглавленную сестру и Мальчика-паука со второго этажа — на кадрах они были ещё живыми и здоровыми. Хоть фотографии и были чёрно-белыми, сквозь монохромную печать пробивалось детское озорство, бьющая через край энергия и беззаботная радость.

Кажется, эти двое дрались и шумели с пелёнок, и привычка эта осталась с ними до сих пор. Дрались они всегда не на шутку, но стоило кому-то чужому задеть одного из них, как второй тут же бросался на защиту. Снимки запечатлели их вечную суету: то они плачут, то заливисто смеются, то мутузят друг друга, то плечом к плечу дают отпор уличным задирам.

Странно другое: на кадрах изредка мелькали их детские приятели, дворовые хулиганы, какие-то сочувствующие старики, но ни разу не появились родители. Не было вообще ни одного мужчины или женщины зрелого возраста, которые подходили бы на эту роль. Словно за всю их

недолгую жизнь родителей просто не существовало рядом.

Но как тогда они умудрились поселиться в отеле «Рай» без присмотра взрослых? Администрация ни за что не приняла бы двух детей, которым на вид не было и десяти лет.

Череда снимков обрывалась на моменте, когда брат с сестрой стояли у входа в отель «Рай». Держась за руки, они натянуто улыбались в объектив. Их улыбки казались скованными, испуганными, будто сам фотограф внушал им неподдельный ужас.

В самой комнате иллюзорные копии детей носились кругами, устраивая привычный погром. То младший брат выхватывал у сестры её собственную голову и весело набивал её, точно кожаный мяч, а обезглавленное тело сестры в ярости гонялось за ним по углам; то девчонка седлала мальчишку и с остервенением драла его за волосы, словно пытаясь оторвать и его голову тоже.

Здесь они уже представляли в своём нынешнем, посмертном облике чудовищ со второго этажа. Но вот история о том, что именно привело к такой трагедии, напрочь отсутствовала.

Цзин У глубоко разочарованно вздохнул, мысленно костеря автора этой инсталляции на чём свет стоит. Была завязка, было развитие, был жуткий финал — и ни слова о самой причине смерти. Словно читаешь дешёвый бульварный роман, где автор бездарно слил концовку на самом интересном месте. Он не сомневался: телефонный призрак делает это нарочно, решив поиздеваться над его терпением.

Он немного понаблюдал за потасовкой призрачных детей. В голову даже пришла мысль заснять это безумие на видео и показать настоящим ребятам на втором этаже — вдруг зачтётся в плюс к репутации? Увы, камера упорно фиксировала лишь пустой воздух, так что пришлось ограничиться зрительной памятью.

Было очевидно, что фантомы полностью перенимали характер своих прототипов. Видимо, в этом и заключался весь смысл вороха любительских снимков. Осколки повседневности, застывшие мгновения чужой памяти, склеенные в осязаемую иллюзию.

Цзин У перерыл всю комнату вверх дном. Он заглянул во все шкафы, обшарил ванную, проверил бачок унитаза и залез под чугунную чашу ванны. Тщетно — разгадки их гибели здесь не было. Сдавшись, он направился к следующей двери.

Открыв её, он замер. Изнутри на него смотрел он сам.

Всё тот же багровый полумрак, всё те же монохромные снимки, плотно облепившие стены. Огромные, увеличенные до размеров фресок кадры позволяли рассмотреть детали, даже не переступая порог.

Цзин У видел, как его собственная фигура на фотографиях постепенно приближается,

укрупняется.

Вот самый первый снимок — панорамный вид с высоты птичьего полёта, сделанный, судя по всему, из окна верхнего этажа отеля «Рай». Крошечный силуэт у ворот курорта. Он как раз выбирался из салона такси, загородив собой фигуру водителя. Получилось, что в кадр попал только он один. Неужели слежка началась с первой же секунды его появления в этом проклятом месте?

На втором фото Цзин У уже зашёл на территорию и остановился возле огромного валуна у входа. Снимок со спины, на уровне глаз, но расстояние всё ещё приличное. Прикинув ракурс, он понял: снимали напрямик от парадных дверей отеля.

Третий кадр — он подходит к самому крыльцу. Снова вид сзади, но ракурс до крайности нелепый: снизу вверх, словно фотограф распластался на земле у самых его ног.

Цзин У мысленно воскресил в памяти крыльцо отеля. Там стояла чаша высохшего фонтана. Неужели соглядатай притаился внутри? Фонтан был крошечным, даже ребёнку едва ли по колено. Представить существо, способное сжаться до таких размеров и затаиться в сухом бетоне, было нетрудно — и приятного в этом образе было мало.

Цзин У листал снимки с абсолютно невозмутимым лицом. Он даже поймал себя на мысли, что не прочь мысленно похвалить собственную безупречную осанку, лёгкую, пружинистую походку и врождённый аристократизм.

Истинная красота великолепна под любым углом, даже если тебя снимают скрытой камерой. На большинстве кадров он был запечатлён со спины. Но стоило ему переступить порог отеля, как частота снимков резко возросла, а объектив придвинулся ближе. Словно невидимый преследователь дышал ему в затылок, сокращая дистанцию с каждым шагом.

На втором этаже, во время стычки с Мальчиком-пауком, ракурс резко сменился — объектив теперь смотрел строго вертикально вниз. Какая-то тварь явно распласталась на потолке, фиксируя неопровержимые улики того, как бесцеремонно Босс Цзин измывается над несовершеннолетними монстрами.

На следующем фото, где он держал за макушку Обезглавленную сестру, фокус сместился на её запрокинутое лицо. Неживой, стеклянный взгляд девочки был устремлён вверх, и в её расширенных зрачках чётко отражался силуэт самого Цзин У. Объектив находился буквально в паре сантиметров от её лица.

Когда он спровадил Тан Чжэня с его бандой спать и остался один в тишине номера, кто-то сделал снимок из узкой щели под кроватью, засняв его мерно прохаживающиеся по паркету ноги. Словно вуайерист-извращенец шпионил за его приватной жизнью из пыльной темноты под матрасом.

И наконец, когда он вернул оторванную голову владельцу, отправил спать Тан Мяня и в одиночку обследовал лестничные пролёты, соскребая краску в поисках подсказок — каждый его шаг со стороны стерегла невидимая пара глаз. Эта тварь наблюдала, как он беззащитно наклоняется над ступенями, увлечённо оттирая въевшуюся грязь. Снимала сверху вниз его склонённую голову — так близко, что, казалось, протяни когтистую лапу, и можно без труда проломить ему череп.

Любой нормальный человек содрогнулся бы от запоздалого ужаса, осознав, насколько близко подбиралась смерть. Но Цзин У остался абсолютно холоден. Вместо страха в нём проснулась коммерческая жилка: он всерьёз задумался о том, чтобы организовать выставку художественной фотографии под названием «Вершина мужского изящества». Вход, разумеется, сделать платным, выпустить лимитированную серию фотоальбомов и запустить мерч.

«С такой фигурой и статью я бы целое состояние на подиуме сколотил, — лениво размышлял Цзин У. — Торговать лицом и телом — почему бы и нет? Хотя, конечно, мозгами зарабатывать привычнее»

Словно осознав, что банальной слежкой Цзин У не запугать, неведомый режиссёр решил подкрутить градус безумия. На кадрах с четвёртого этажа дистанция сократилась до предела. Вот он переступает порог номера — в кадре только его торс, будто объектив просто не мог вместить его целиком. Фотограф стоял буквально на расстоянии вытянутой руки.

Вот он начинает рассматривать развешанные по стенам снимки — на фото видны его плечо и затылок. Преследователь шёл за ним след в след, наступая на пятки.

А на моменте, когда он любовался собственной неотразимостью, камера запечатлела его лицо в профиль — настолько близко, что можно было сосчитать густые ресницы и разглядеть отражение настенных снимков в хрусталике глаза. Создавалось полное ощущение, что объектив упирался ему прямо в затылок!

Не оборачиваясь, Цзин У уловил мимолётное движение воздуха за спиной. В его ладони мгновенно возник острый кухонный нож. Короткий, резкий взмах — и лезвие полетело назад!

Но одновременно с этим из темноты позади него вырвался до боли знакомый свист стали. Кто-то столь же стремительно целил ему прямо под рёбра!

Оба синхронно уклонились от ударов и замерли друг напротив друга в полумраке. Столкнувшись взглядами, два абсолютно идентичных Цзин У уставились на свои зеркальные копии. Одинаковые лица, одинаковые позы и даже совершенно одинаковые ножи в руках.

— Опа! — вырвалось у них одновременно.

Оба удивлённо приподняли брови и вновь заговорили в один голос:

— А ты мастер. Смастерить настолько точную копию моей великолепной физиономии — это надо уметь. Моё почтение.

Насмешливый тон, интонации, слова — совпадение было стопроцентным.

Цзин У с досадой осознал, что карма настигла его мгновенно. Буквально пару минут назад он развлекался, глядя на то топорное шоу, которое устроил Тан Чжэнь со своей бандой, а теперь сам угодил в ту же ловушку.

Секундная заминка — и оба Цзин У резко рванулись вперёд. Ножи взрезали воздух, нацеленные в одни и те же уязвимые точки. И снова: одновременный блок, уклонение, разрыв дистанции.

«Какой же я всё-таки злопамятный, — подумал Цзин У. — И этот нож у него... точь-в-точь как тот, что я отобрал у Тан Мяня»

Они хмуро смерили друг друга оценивающими взглядами. В этот момент оба пришли к одной и той же здоровой мысли: бессмысленно резать друг друга на потеху местным кукловодам. Это лишь сыграет на руку твари, затаившейся в тени.

Приняв молчаливое соглашение, двойники отступили назад. С изысканной вежливостью они одновременно указали друг другу на выход. Разумеется, и шаг вперёд они сделали одновременно, застряв в узком проёме на долю секунды, прежде чем боком протиснуться наружу.

Один повернул налево, второй — направо. Каждый толкнул следующую дверь по своей стороне коридора. Полная гармония и идеальный паритет.

За следующей дверью Цзин У снова ждала собственная персона.

Те же чёрно-белые снимки продолжали жуткую хронику, но теперь их сюжет начался с событий пятиминутной давности. Кто-то запечатлел их схватку сверху, устроившись под самым потолком; кто-то снимал из-под шкафа их стремительные выпады ног; а кто-то шпионил из-за штор, ловя в объектив их абсолютно идентичные ухмылки. Казалось, комната буквально кишит невидимыми папарацци, снимающими захватывающую драму об искусном убийце и его гениальном преследователе.

Цзин У не успел досмотреть экспозицию до конца, как створка платяного шкафа скрипнула, и из неё вальяжно выбрался... ещё один Цзин У. Смерив оригинал спокойным, джентльменским взглядом, новоприбывший произнёс так невозмутимо, словно зашёл в комнату с парадного входа, а не прятался среди старого тряпья:

— Прошу прощения, ошибся дверью.

Вежливо кивнув, двойник открыл замок и скрылся в коридоре.

Первым порывом Цзин У было заглянуть в шкаф. Чисто профессионально он оценил габариты: идеальное укрытие, пожалуй, стоило бы самому залезть туда и оценить акустику. Но стоило двери за двойником захлопнуться, как в голове щёлкнула тревожная мысль: эта копия наверняка пошла собирать толпу, чтобы устроить ему весёлую групповую трёпку, пользуясь особенностями этого лабиринта. Он бы на месте клона поступил именно так.

Как этого избежать?

Цзин У пододвинул к центру комнаты тяжёлый дубовый стол, достал из рюкзака бланки трудовых договоров, авторучку и быстро организовал себе рабочее место.

Стоило ему чинно устроиться на стуле, как из коридора донёсся многоголосый топот, приближающийся к его двери.

В тот миг, когда створка распахнулась, Цзин У переплёл пальцы рук, положил их на стол и выдал свою самую безупречную, профессионально-радушную улыбку:

— Добрый день. У нас сегодня день открытых дверей и собеседование. Вы пришли устраиваться на работу?

Из проёма на него воззрилась целая толпа абсолютно одинаковых лиц. Плотная, спрессованная стена из Цзин У.

На Цзин У снизошло мгновенное озарение. Он наконец-то понял, в какую ловушку его заманили.

«Похоже, я раскусил этот фокус»

Один из Цзин У протиснулся вперёд и глумливо ухмыльнулся:

— Работать на дядю? Ещё чего. Я пришёл на вакансию генерального директора. То есть босса.

Стоящий за его плечом двойник томно подмигнул:

— А я претендую на должность хозяйки. Буду пилить бюджет и ничего не делать.

Третий лениво зевнул, привалившись к косяку:

— Хватит спорить. Давайте я буду богатеньким наследником во втором поколении. Родители, я

в вас верю, обеспечьте мне красивую жизнь.

Четвёртый Цзин У подал голос из глубины толпы:

— Чур, я буду любовником! И не надо так смотреть, я пришёл не разрушать ваш союз, а гармонично влиться в эту дружную шведскую семью.

— Тогда я буду четвёртым лишним, — хмыкнул пятый.

— А мне нужно эксклюзивное имя. Зовите меня Пятым Колесом, — лениво вставил шестой.

Седьмой...

Восьмой...

Настоящий Цзин У обречённо промолчал.

«Как же я ненавижу собственную натуру...»

<http://bllate.org/book/20146/2115036>